



Наталья Асенкова

СРЕДИ МИРОВ,
в мерцании светил



Наталья Асенкова

СРЕДИ МИРОВ,
в мерцании светил

Сборник рассказов

BOSTON • 2022 • CHICAGO

Наталья Асенкова

Среди миров, в мерцании светил
Сборник рассказов

Natalia Asenkova

Among the Worlds, in the Shimmering of Lights
A Collection of Short Stories

Copyright © 2022 by Natalia Asenkova

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-950319-73-2 (Paperback)

Proofreading by Julia Grushko

Book design and layout by Yulia Tymoshenko

Cover design by Larisa Studinskaya

Published by M•Graphics | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

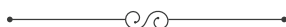
In Cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL

📄 www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

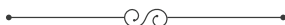
Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ



Красная лилия	7
Среди миров, в мерцании светил	50
Непознаваемый мир	91
Колокольчики мои, цветики.	110
О жаре, любви и фантазиях	140
Богатые мальчики	183
Гибель и спасение.	205
Перелистаем страницы	245
Внук деда своего	258
О времени и о себе	358

КРАСНАЯ ЛИЛИЯ



Ты напрасно думаешь, что человек состоит из умных мыслей, которые, к тому же ещё, он обязан высказывать вслух, в компании поддавших друзей, обсуждающих очередной франко-итальянский фильм или — что ещё труднее — стихи. Нет, человек — он слаб и состоит из очень даже простой вещи — из супа. Да-да! Человека формирует простой суп. Гёте был величайшим из людей, это совершенно неопровержимо, и неопровержимо, что Гёте ел свой регулярный немецкий суп в благодушном и даже приподнятом настроении! Этот факт вспоминает его секретарь Эккерман, который написал книгу «Разговоры с Гёте». А мы, простые люди, тем более состоим из жвачки. Покушаешь даже если молочный суп — и уже легче, потому что затёр голод. Ирису тоже можно пожевать. «Золотой ключик» или «Кис-кис». Можно съесть в кинотеатре не мороженое, а выпить только газводы и закусить тоненькой вафелькой «Снежинка». И жаркое, когда оно появится на столе, покажется счастьем. Кто познал это счастье однажды, тот умеет по крайней мере платить долги. Хотя деньги, ясно, не скопит. Куда там! Хотя бы часть долга отдать!

Ида Бронштейн затянулась сигаретой и продолжала:

— Я, например, Лиля, стала замечать в себе откровенную жестокость. Я боюсь, что всю свою оставшуюся жизнь буду тайно ненавидеть собственную мать! А ведь это вопиюще, безнравственно и кошмарно — она моя мать! Но это так. Я тебе первой на свете об этом говорю, потому что знаю, что

ты не болтлива и что ты, как и я, ещё с юности хлебнула горя. Я ненавижу свою маму только за то, что она, несчастная, глубоко и наивно верила своим любовникам. Особенно одному — его Лёвой звали. На киностудии работал. Звукооператором. Мать у него деньги заняла. Уж на что — не знаю! Но думаю, что только на босоножки могла занять. Она их на юге намеревалась купить, видимо, пыталась, да случайно предложил кто-то на улице или наткнулась в магазине на них — а деньги не с собой, дома, — вот она и заняла у друга сердца деньжат! Бывает! Она с этим Лёвой на юге познакомилась, в Новом Афоне, в Абхазии. И всю они начали вместе отдыхать! Но денежную расписочку о долге Лёвочка у матери моей попросил. Она и выписала. Когда же мама умерла, он пришёл ко мне и расписочку показал. А в расписочке сумма — три тысячи. Платите, значит, дорогая доченька, по случаю смерти своей единственной мамочки! Я в расписочку взгляделась, Лилечка, своим пронизательным взором и уловила, что нолики в числе три тысячи какие-то подозрительно тощенькие. Может, у мамы рука дрогнула? Или она просто-напросто другую сумму у этого Лёвочки заняла? Зачем же три тысячи или даже три сотни маме моей понадобились вдруг в отпуске, на знойном юге? Нет, не без денег совсем она в отпуск ехала! Я хотела было усомниться в расписочке, ведь прописью сумма не была указана, и ничего у нотариуса не заверялось! Но почерк, конечно, мамин, а написано где-то в шашлычной, потому что жирные пятна на бумаге и брызги красного вина — южные дела, знойные! Усомниться мне захотелось, и очень сильно, Лиля, усомниться! Но я взглянула в тёмные глазки Лёвочки, увидела жгучую волосатую руку, вцепившуюся в расписочку, и подумала: стоит ли связываться с этим ффраером? Не заплатишь ему — и выльет он на меня и на маму всю изнанку своей игривой души, всё грязное бельё он вывернет, будьте уверены! И не пощадит он маму мою мёртвую! А мало ли до чего у них доходило в постели? Пределов нет в пространстве этом бесконечном! Лёвочка так уверен в неотразимой страсти своих жгучих волос на руках и в своём сочном пенисе, жучок! Найдутся у него благодарные слушательницы, перемоют они косточки умершей моей мамы. Хотя бы из зависти к ней, что сумела она взять да и поиметь такую ценность, как секс с Лёвочкой, несмотря на свой возраст! И от-

ветила я Лёвочке, что всё заплачу. Мне было тогда двадцать лет. Я бросила учёбу в музучилище и нанялась работать музвоспитателем в детский садик, чтобы была возможность хотя бы кушать! Но вышло наоборот — не я кушала, а меня там скушали, и я было приуныла. Но потом принялась ходить по всем инстанциям, желая втиснуться на работу с приличным окладом. Тут и подвернулся мне дурацкий завод железобетонных изделий, грязный, запущенный, не соблюдавший правила техники безопасности. От него у меня до сих пор в горле неизвестно какая бетонная пыль растекается, вызывая порой жуткий кашель! Я тянула на этом заводе две тяжёлые зарплаты — в цехе, работницы, а вечером — руководителя хора заводских алкоголиков. Я платила маминому жучку Лёвочке долг. Нет, мать всегда делала ужасные ошибки в своей жизни, но эта была самой крупной и большой: жучок Лёвочка был моложе на целых семнадцать лет моей серьёзной матери! К чему было связываться с ним в её возрасте? Я никогда не пойму. Но я решила про себя однажды и навсегда, как в классике — никогда не влюбляться в сосунков! Сосунки западают точно только на деньги! Та расписочка научила меня бояться позора, и я осторожничаю даже с теми, у кого седые виски и в кармане шуршит! И вообще вся жизнь просто-напросто зависит от категории честности!..

— Это ужасно, — прошептала Лиля Поташова. — Неужели со всеми так и держаться всю жизнь настоroje?

— Со всеми, — сказала Ида.

Ида курила и пила кофе крупными глотками. Они были подругами в тот период их жизни и теперь сидели в квартире Лили Поташовой, хорошо обставленной, уютной квартире, где была исключительно японская, а не какая-то другая техника. Они были ровесницами, им было по тридцать четыре года, они вместе работали в одной из новых школ микрорайона. Ида Михайловна — учительницей музыки, а Лилия Ивановна Поташова — учительницей русского языка и литературы.

Лилия Ивановна Поташова была замужем за Сергеем Алексеевичем Поташовым, мужчиной невысокого роста, угрюмым и неразговорчивым, но офицером подводного флота. Лилия Ивановна имела в этом браке сына Владика, который учился в третьем классе той же школы, где работала мать. Сергей Поташов получил двухкомнатную квартиру в новом микрорайоне

города Ленинграда как военнотружаший. Сергей Поташов был старше своей жены всего на четыре года. Многие считали, что у Поташовых идеальный брак. Учителский коллектив школы тоже так считал. Только одна Ида Михайловна знала правду о своей подруге и потому, в свою очередь, откровенничала с ней. Итак, Сергей Поташов был импотентом. Он бил и щипал Лилю в постели и даже однажды, не сумев утолить свою страсть, попытался откусить жене нос. К счастью, Лиля сумела увернуться, но с тех пор поставила постели в спальне раздельно. Оно так — практика жизни учит. Частенько Лиля натирала синяки на теле бодягой, смешанной с подсолнечным маслом, и они исчезали. Но глядя на своё тело, разукрашенное тёмной травяной смесью, Лиля морщилась от унижения и обиды. Нет, Лиля никогда не плакала. Она терпела побои и оскорбления мужа. Она даже частично жалела его, помня, что Сергей не всегда был таким, и пыталась его обрадовать хоть чем-то, приготовив обед повкуснее. Но Сергей ругал её за лишнюю шоколадку, купленную сыну, и она сама тоже постепенно отвыкла от десерта. Сергей Поташов считал, что пирожное и шоколад полагается есть на праздники, и то смотря на какие! Лиля, наконец, перестала спорить с ним и покупала только те конфеты, которые он разрешал, именно же карамель и подушечки.

На большую зарплату Сергея Лиля покупала себе много одежды в валютном магазине и у спекулянтов. Этим он тоже был недоволен, но с годами примирился, охотно выслушивая комплименты своих сослуживцев в адрес жены. Приятно, когда подруга жизни смотрится не хуже киноактрисы. Приятно. Это факт.

Импотенция — дело щекотливое, но Сергей Поташов был не виноват в своём казусе. Просто однажды произошло радиоактивное излучение в отсеке подводной лодки, на которой служил Сергей. Сергей, впрочем, находился в момент катастрофы не в пострадавшем отсеке, а в соседнем, поэтому излучению как таковому, по официальным уверениям медицинских работников, он вовсе не подвергся. Пенсию по инвалидности не всем дают. Нет, Сергей был виноват только в своём характере! Только! Но перевоспитываться ему было слишком поздно после случая на подводной лодке, и жена научилась искусству терпеть мужа. Во-первых, у неё был Владик и, во-вторых, у неё были деньги. Иногда Лиля переставляла эти ценности места-

ми в своём сознании: во-первых, деньги, зарплата Сергея и, во-вторых, конечно, сын, который, как мальчик, нуждался в отце, в мужской и сильной руке.

Однажды Лилия Ивановна пригласила Иду Михайловну к обеду. Не на день рождения, не к застолью, а просто затащила подругу на обед после затянувшегося педсовета. На чахохбили. Ели все вместе — и Поташов, и Владик, и женщины.

— Чахохбили ты приготовила классно, — сказала Ида на следующий день подруге. — И Владик у тебя неплохой ребёнок, косточки от курочки аккуратно положил на край тарелки. А Поташов — он кости выплюнул прямо на стол. И это при мне, при гостье! Какой он всё-таки у тебя хам. Ужасный хам. И как ты его терпишь, бедная?

Лилия Ивановна вздохнула. Иногда она очень жалела о своей судьбе. Даже высказалась однажды в учительской:

— Моя девичья фамилия — Лилина. Я — Лилина, я — Лилия, меня нужно любить и лелеять. А теперь я стала Поташова, что означает — Горшкова. Да-да, по этимологии, слово «пот» в переводе с немецкого — это горшок, «аше» — зола.

Анна Павловна, завуч и учитель биологии, заметила:

— Вообще, лилия — цветок ядовитый. С растениями надо поосторожнее, среди них есть коварные и загадочные. Горшки лучше. Они, по крайней мере, принимают удары судьбы без сопротивления. А золой стирают и удобряют почву. Зола — вещь не бесполезная.

— Но Гаршин написал нам о прекрасной пальме! — воскликнула Полина Афанасьевна, преподавательница литературы. — Растения бывают разные — благородные, сильные и слабые, смотря как выращивать эти растения!

— Вот и выращивайте ваших выпускников, — отрезала Анна Павловна.

Некоторые учителя посмеялись над этими шутками, прислушавшись к разговору. Шутки прозвучали в учительской на большой перемене. Бывает, что среди учителей встречаются люди очень неглупые и не грубияны. Такой считалась, например, и Полина Афанасьевна. Пятидесяти лет с гаком, полная, хотя и не толстая, она была известна среди литераторов своими знаниями и бесспорно интересными, эмоциональными конкурсными сочинениями учеников.

— Инфаркт можно получить, воюя с акселератами нашими и особенно с моим непревзойдённым десятым «А»! — сказала она своим бодрым голосом и, подсев на диван к Иде Михайловне, обняла её за плечи. — Ты знаешь, что они мне выдали сегодня на уроке? Я сейчас расскажу! У меня Блок сейчас идёт по программе. Но как можно уложить такую грандиозную тему, как поэзия Блока, в четыре программных часа? Я отвожу один час за счёт внеклассного чтения на поэзию двадцатых годов, чтобы хоть упомянуть других — Андрея Белого, например! Вот я и сказала, что Андрей Белый буквально выворачивался наизнанку в своих стихах и это, конечно, доказывает его гениальность. Его, говорю, ребята, особенно захватило чувство выворачивания при посещении пирамиды Хеопса. Был такой Кедров, писатель и критик из затёртых сейчас, он назвал эту черту поэта «космическим выворачиванием», заметив, что если бы все сумели вывернуться наизнанку фактически, то мы увидели бы вместо органов — печени, почек или селезёнки — планеты, Юпитер или Венеру, потому что планеты — суть наши органы! И вот мой знаменитый Саша Заикин, представьте, и спрашивает меня: «Полина Афанасьевна, я насчёт Венеры согласен, что в ней можно увидеть женские органы, но вот Юпитер или Марс с Сатурном на какие органы похожи, по-вашему? Я не понял». И Миша Пакс тут же возник: «Конечно, на мужские! Ещё спрашиваешь, Заикин! Надо с намёка такую вещь понимать!». Как вам это нравится? Конечно, у меня на уроке говорят все, я их этому учу — говорить то, что думаешь. Но такое выдать? Девчонки начали хихикать. Одна только Вера Воробьёва покраснела. Уважающая себя девушка.

Ида Михайловна засмеялась.

— Ой, анекдот! И о чём они думают, наши детишки? Чем забита их голова? Вот вам и высокая материя! Пока вы выворачивались перед ними с интеллектуальной стороны, они вас мигом вывернули со стороны сексуальной!

— Точно, вывернули, — сказала Полина Афанасьевна. — Я чего только не наслушалась на своих уроках, но такое слышу всё-таки впервые. Беззастенчиво лепят. А всё из-за Саши Заикина и его роста — парень вымахал метр девяносто пять! Все девчонки к нему липнут. Рост в мужчине — черта притягательная! И Вера Воробьёва заглядывается на него. Хотя она сама — звезда

класса. Она и красивая, и неглупая. Чем-то она на нашу Лилию Ивановну похожа. Тоже блондиночка, но Лилия Ивановна мягче и женственней. Лилия Ивановна? О чём грустите?

— Я вас слушаю, — ответила Лилия Ивановна. — Я слушаю вас и думаю, насколько мне проще. У меня на уроках такого не случается. У меня без всякого выворачивания ясно, что приставки и суффиксы находятся в разных концах слова. И куда мне угнаться за вашим выворачиванием, Полина Афанасьевна? Я на филфаке заочно училась. Я таких вещей не знаю. Мне никогда не дорасти до вас!

— Да брось ты не верить в себя! — сказала Полина Афанасьевна, внимательно глядя на неё. — Все, кто учился на филфаке, знают достаточно, чтобы расти и в житейском опыте преодолеть любого! Литература учит нас, и классика ведёт нас по жизни! И вообще, я признаюсь вам честно: я тоже в молодые годы не верила в себя. Но выросла с годами работы в старших классах. Ещё я скажу вам, девоньки, что подседа к вам не случайно. Помогите мне с литературным вечером. Я буду делать с десятиными классами вечер поэзии двадцатых годов. От тебя я хочу, Ида Михайловна, музыкальное сопровождение литературного текста получить. Придумаешь что-нибудь, я знаю, ты — творческая душа. А на вас, Лилия Ивановна, я рассчитываю в том смысле, что вы могли бы поработать вместе со мной над выразительным чтением учащихся. Ну, сделаем вечер? Запишу в план методического объединения, ладненько?

— Ладно, — сказала Ида Михайловна. — Выдадим вечер, раз так решили! Вы и дискотеку, конечно, устройте после литературной части? Бедные наши учащиеся! Танцы — и больше никаких стремлений нет. И большинство парней мечтают поступить только в военные училища.

— Не большинство, нет, но некоторая часть. Ну, пусть большая, пусть даже половина, но никакое не большинство! — воскликнула Полина Афанасьевна. — И тех парней, кто туда собирается, я всё-таки стараюсь уколоть. Разве нет более интеллектуальных вузов?

— Звонок звенит, пора на урок, — сказала Анна Павловна. — Вы, Полина Афанасьевна, как всегда в ударе!

— Полина — чудесный человек, но бывает, что она меня раздражает, — сказала Ида Михайловна. — Идут в военные учи-

лица поголовно все, потому что зарплата большая. Учиться там нелегко. Но надо же безбедно существовать когда-нибудь? И зачем колоть этим учеников? Разговоры в пользу бедных не изменят систему!

— Я не понимаю, чем ей до сих пор не нравятся люди в мундирах! — воскликнул Михаил Фёдорович Черкасов, математик. — Должна ведь быть реальная власть. Мундир — это реальная сила. Не так ли, Лилия Ивановна? У вас, например, муж офицер и вернейший и преданнейший из мужчин! За такого надо держаться. Хотя есть и другие мужчины на свете, конечно.

— Конечно, — сказала Лилия Ивановна. — Я очень дорожу своим Сергеем.

И Лилия Ивановна пошла на урок, с опаской взглянув на Черкасова. Потом был у неё разговор с Идой.

— Волочится за тобой Черкасов, — констатировала Ида Михайловна. — Держись, Лиля! Он своё не упустит, старый ловелас. И притом он не дурак, а математик. Есть над чем подумать. Пойдём домой вместе, хочешь? Могу пригласить к себе. Я торт песочный испекла вчера. Ничего получилось.

— Ужасно тороплюсь, — сказала Лилия Ивановна. — Надо Владика забирать с продлёнки. И в магазин надо сходить за мясом. Ужасно я тороплюсь сегодня, Ида!

— Вон твой Владик сам уже идёт сюда, — задумчиво продолжала Ида Михайловна. — Но ты как будто скрываешь что-то от меня? Уж не обиделась ли и ты на меня из-за Черкасова? Я пошутила.

Лилия Ивановна, улыбнувшись подруге, ушла вместе с сыном домой. Наскоро покормив Владика, она посоветовала ему делать уроки, хотя разрешила смотреть телевизор. Она уезжала по своим делам на Невский, в Институт усовершенствования учителей, на лекцию, как объясняла она сыну всегда в такие минуты, оставляя его одного в квартире. Она не настаивала особенно на успехах сына, да и успехов этих не было. Лиля считала, что свобода лучше. Человек любого возраста должен свободой пользоваться. Зачем дрожать над детьми? Дети вырастают и становятся взрослыми. Вырастают все. И во всяких условиях живут, но всё-таки вырастают, как и всё живое. Как цветы, как деревья, как трава. Вот и она тоже выросла, Лилия Ивановна. Без матери, с мачехой. Мать умерла,

когда Лиле было пять лет. Отец женился и наплодил ещё детей. Якобы сестричек родных для Лили. Но когда она играла с ними, сестрички царапали Лилию, а если все вместе мылись в бане, выливали ей на ноги тазики с водой, порядочно разбавленной кипятком, и будто случайно выкололи глаза её единственной кукле. Детские игры забавляли мачеху, и она до слёз смеялась над проказницами. Нет, Лиля правильно сделала, что вышла замуж за Сергея Поташова, и правильно, что не сразу решила родить от него ребёнка. Разум всегда побеждал в ней, и Лиля изо всех сил тянула заочный институт. С дипломом всё-таки можно ходить в учителях, хотя и без особых педагогических способностей и без теплоты в душе к детям, но всё-таки с «корками» в школе работают, а не в овощном магазине, куда идут, как правило, жёны военных числиться ради трудового стажа. Хотя ещё неизвестно, где выгоднее.

Классика учит нас уму-разуму набираться. Филфак выучил Лилию Поташову не открывать всему миру свою грешную душу. Нельзя сказать вслух о том, что деньги в любой ситуации выбора для большинства всё-таки лучшее. Это пошло звучит, это невозвышенно чувствуется! Но можно практически это отлично сознавать и даже можно с этим вполне нормально жить, полноценно, не страдая нервными комплексами. Прикиньте, как это прекрасно — просто жить и покупать себе французские духи и косметику, и легко ступать по неровному асфальту улицы лёгкими ногами в невесомых босоножках из натуральной кожи! Сложно жить только без другого. Без того, чего природа требует, как земля — дождя. Но и этот вопрос легко закрыть, не ставя на голосование, если убрать всех любопытных с глаз долой. Словом, есть сладость тайных встреч. Так-то.

Конечно, у Лилии Ивановны был нужный друг. В те дни, когда Сергей Поташов находился на суточном дежурстве в казарме или в командировках, его жена, бывало, проехав пару остановок на автобусе до ближайшей стоянки такси, подальше от соседских глаз, осторожно скользнув на заднее сиденье машины, уезжала не в Институт усовершенствования учителей, а к Николаю Николаевичу Зуеву, подполковнику КГБ. Он и был любовником Лили Поташовой.

Невысокого роста шатен, немолодой, но довольно худощавый, он был незаметен в толпе — качество необходимое для

иного Зорге. Меньше риска при смертельном полёте слепой пули, больше возможностей вернуться от жестокого удара финкой. Пройдя свой тернистый путь и заслужив награды, Зуев, поджидая персональную пенсию, выбрал уединение и тишину. Он теперь и вовсе стал незаметен, хотя снова был важен и незаменим. Он работал по-прежнему с толпой, но не с людьми, к счастью, а только с их бумагами. Каждый день он вычитывал криминальные тонкости в кандидатских и докторских диссертациях, которые сдавались ему ректоратом для цензуры. Столько повырастало разнообразных учёных за последние славные годы советской власти, что Зуев читал написанное до глубокой ночи и от всех прочитанных умных мыслей даже уставал. Уставал он постоянно гордиться учёными, строча отзывы на какие-нибудь незаурядные труды, иногда повторявшие фразу за фразой прежде уже прочитанные цензором выкладки других. Бумага терпела, ей не привыкать, а Зуев Николай Николаевич от усталости звонил Лиле Поташовой, и она приезжала его навестить в его Первый отдел. Зуев работал в Институте народного хозяйства, а Первый отдел — это просто дверь без таблички и номера комнаты, тяжёлая дверь, обитая железом, в тихом коридоре здания, ниже первого этажа. Первый отдел — это один человек, подполковник КГБ Николай Николаевич Зуев. Здесь, в комнате его отдела, был его сейф и его холодильник. В холодильнике всегда стояла бутылка «Столичной», имелись на выбор коньяки и вина, и появлялось к Восьмому марта и даже по будним рабочим дням «Советское», родное, шампанское!

— Любую выбирай, Лилечка моя! — тихо восклицал Николай Николаевич, открывая достойный холодильник перед тайной подругой. — Какую выберешь сегодня, ту и раскатаем! А потом закусим и крутанёмся колесом! Эх, поговорим с тобой за жисть!..

— Ты, Коля, добрый, — отвечала Лиля. — С такими, как ты, шутниками, очень просто жить. А мой Поташов всё злится, пилит меня. Какое там шампанское! Вино сухое покупает со вздохом! День рождения сына отмечали, так он неделю мне потом выговаривал, что я к столу шоколадные вафли достала, переплатила за них, конечно. Да ведь нельзя же одну водку и солёные огурцы на праздничный стол ставить! А переплатить я должна была — в магазинах с продуктами и совсем бедно ста-

ло. Пустеют магазины! Ни фруктов, ни колбасы нет. И даже сосиски появляются редко. Куда поворачиваем? Так и завернём!..

— Поосторожнее на поворотах! — шутиливо отвечал ей Николай Николаевич. — Моя профессия не любит лишней критики. Запомни — всякую жизнь можно поправить, если поручить это ответственным органам ЧЕКА!..

— Про ЧК я молчу, а у тебя, Коля, профессия изрядно скомпрометированная, — говорила Лиля. — Ты уж извини меня, Коля, за такую откровенность. Но лично к тебе я питаю симпатию. Хотя ошибки вашего ведомства налицо.

— Симпатия у нас взаимная, — улыбался Зуев, — а вот ошибки будем поправлять! Зачем нам вечно обыденная жизнь? Нам к лицу завернуть в красивую!..

Они подсаживались к письменному столу и начинали поправлять обыденную жизнь содержимым холодильника. На закуску употребляли шоколадные конфеты «Мишка на Севере», буженину и копчёную колбасу. Хлеб тоже ели, но обычный, кирпичиком, какой едят и покупают все.

— Профессия скомпрометированная, это ты правильно заметила, — негромко произносил Николай Николаевич, — а всё из-за Берии. Я на прошлой неделе смотрел фильм «Покаяние». Мы с Митей Дударевым ходили вместе, он старый товарищ мой, встретились мы с ним случайно на Литейном и рванули в кино! Надо же быть в курсе новинок! Ну, одним словом, посмотрели, хотя Митя уйти порывался, не хотел досмотреть до конца. Возмущался Митя. Как, говорит, такое можно всему нашему дубовому народу показывать? Спорные, говорит, вещи в этом кино накручены и совершенно неправдивые моменты. Женщина — и вдруг выкапывает покойника. Да ведь это тяжело — взять лопату и землю копать, и тем более — бабе! Да ещё, говорит, психологию накинуть надо — могилку выкопать не всякий мужик сможет! Нет, говорит, это, Коля, не кино, а настоящая вражеская агитация, направленная против государства и лично против органов нашего ЧЕКА! А если, говорит, после такого кино все начнут покойников выкапывать? Тогда у нас ни одного кладбища не останется, будь уверен! Потому что, говорит, все у нас в органах запачкались так, что их ни бог, ни чёрт не отмоеет. Все, говорит, клепали друг на друга, все жаловаться ходили в наши органы. Ты, говорит, встречал в своей жизни

хоть одного, который бы перед нами в штаны не наложил и задом не вилял, складывая на кого угодно — на жену ли, на соседа ли, или вообще на тещину мать? А мне фильм понравился, и я прямо Мите сказал: фильм хо-ро-ший! К чему, говорю, было художников уничтожать? Или учёных? Какое о нас мнение будет сформировано — вот что надо было предвидеть. Мы же не одни на планете, есть ещё заграница! Не надо было давать им повода нас внутренне разлагать агитацией. Тем более в смысле художников не давать им повода нас унижать. Искусство надо просто направлять в нужное русло, но ценить. Не каждый может рисовать. Поэты, писатели — эти болтуны, они опасны. Но картины — это красиво. Это цвет, краски. Нет, Берия был не дурак, но на эту тему совершенно зарвался! Вот такое мнение моё личное, Лилечка, не думай, что я отсталый. Я прогрессивный для своей профессии! Это вот Митя Дударев — он совсем отсталый, в искусстве не разбирается. Ну, за искусство давай ещё по одной! Я люблю талант в нашем народе. И я водки выпью лучше. Мне беленькая по национальности ближе, чем коньяк армянский, — я простой русский человек! И люблю песню про почтовую тройку, что катит по Волге-матушке зимой!..

Они пропускали по глоточку ещё. Пили они из широких стаканов, грани которых были слегка вдавлены внутрь в виде лепестков цветка. Держать такой стакан в руке очень удобно, универсален тот — со знаком качества — стакан. Из такой посуды можно пить и коньяк, и шампанское. Ну а насчёт водки — нет вопросов. Её вообще из чего угодно пьют, когда скрываются от милиции в подъезде, из рукава, например. Уникальный, советский по национальности, бывший русский напиток!..

— Александр Сергеевич Пушкин был великим русским поэтом, но считал, как и ты, тоже так, Коля, — тонко замечала Лиля. — Ты помнишь, что он говорил? Любите живопись, поэты! Но пил он чаще не водку, а шампанское «Клико».

— Ты у меня умница, — отвечал, улыбаясь, Зув. — От «Клико» на переключке не откликнешься — голова болит. Но про живопись сказал не Пушкин, а кто-то другой, кажется, Заболоцкий. Даже я знаю, как тоже поэт! Да и не всё ли равно, кто это сказал?..

Теперь смеялась Лиля. Закусывали. Николай Николаевич любил пирожное эклер, а Лиля ела корзиночку. Пирожные

Зуев умел выбирать и покупал их всегда очень свежие, рассыпчатые. Иногда он покупал и пышные торты.

— Я на Невский специально для тебя ездил, — объяснял Николай Николаевич. — Очень даже оперативно обернулся, за двадцать три минуты всего! А взял — всё свеженькое. Выпечка и должна быть свеженькой, только тогда она и вкусна. Правильно?

— Возмущаются люди, что в магазинах пусто, — говорила Лиля. — Вот что правильно.

— Подзапустили хозяйство, это точно, — соглашался Зуев. — Но экономисты ищут пути развития нашей, так сказать, материальной базы. Может, найдут, я диссертации почитываю, вижу, учёный мир серьёзно копать начал в философии и цифрах. Критический момент в экономике. Правильно копаются. Но порядка всё равно нет! И пока не дают нам, чекистам, порядок навести, какой должен быть при советской власти. Ведь именно мы и есть эта самая реальная советская власть! И другой у нас пока что нет и, поверь мне, не будет. И так уже продано за кордон немало секретов, потому что в идею давно никто не верит. Но ордер на арест сейчас нам выписать далеко не просто. Нельзя хватать всех подряд, как при Берии. Надо долго и сложно распутывать узел. К примеру, взять дело Пеньковского! Я принимал участие, и немалое, в этой операции. Мы Пеньковского долго искали. Он был умён и хорошо сидел. Но сука он был, конечно, каких свет не видывал! Многие ракетные базы и объекты, которые он выдал, пришлось перестраивать, сотни миллионов государственных рублей полетели в воздух! И главное — людей в его деле пострадало немало, не очень, конечно, чистых, но и не абсолютно виновных. Просто так сложилось у них, что жизнь в болото затянула. Ну, вздрогнем, что ли, за жизнь ещё?

Лиля закрывала ладонью свой стакан и говорила:

— Мне хватит. Я свою меру знаю.

Николай Николаевич никогда не настаивал, чтобы она выпила ещё. Он наливал себе немного и поднимал последний тост за счастье и мир во всём мире.

— Ты хорошая, скромная и красивая женщина, — говорил он, слегка опьянев. — И ты красивая именно потому, что знаешь свою меру. Сейчас все распустились, и женщины тоже. Пьют до того безудержно, как будто их минуту назад с Лубянки

за невиновностью отпустили. Просто не остановить! Я на Невском давеча, как за тортом ездил, двух девушек видел, молоденьких. Взяли они бутылку и дуют прямо из горла. Что тут хорошего, спрашивается? Как мужчины будут к ним после этого относиться? И смеются себе они, девки эти, не стесняясь, громко, как будто так и надо — пить на улице! В былые времена этого не было. Люди Берии днём и ночью ходили по улицам, выбирали глазом из толпы, кто выделяться вздумал. И расхлябанности такой на улицах не было! В методе скомпрометированном, оказывается, был свой резон! Практика показывает, что сейчас не лучше стало, а хуже. Вот вам и Берия!..

— Про Берию не надо, а про Пеньковского расскажи, Коля, — попросила однажды Лиля. — Интересно про него узнать правду.

— Всё трудно рассказать. Дело было огромное! У каждого из нас был свой объект наблюдения, свой человек, то есть, которого мы «катали» — выслеживали, одним словом. Ведь задание было дано — ловить с поличным. Ну и, конечно, узнавать, кто с кем связан. Меня заслали на военный аэродром, работать механиком якобы. Я и моя группа катали Галю Шульман, официантку из ресторана на аэродроме, где все мы кормились. Ушлая она была, смазливая, молодая, но обтёртая со всех сторон! Плотно упакована была — подарков у неё каждый день было море. Всё от мужиков. Она не стеснялась обкрадывать нашего брата. Выворачивала наизнанку того, кто с ней крутил пашни. Деньги тоже брала за постель, как самая последняя уличная проститутка. Но держалась в ресторане гордо, уверенно, работала хорошо. По делу Пеньковского она не проходила у нас как фигура крупная, другие больше были запачканы. Галей, скорее, прикрывались. Но уж если я вцеплюсь — я найду. Нет, уж если я вцеплюсь — я любого раскатаю, душу вытрясу из самого дьявола. И я катал Галю семь месяцев и вывернул наизнанку всю её подноготную. Всех её любовников, подруг, все её встречи я знал. Я знал, что она хочет уехать в Израиль, что она копит валюту, я следил за каждым её не то что шагом — за каждым вздохом! И вдруг, совсем неожиданно, она начала кокетничать со мной. Я не сдавался, как мужик, хоть и на колени она ко мне садилась, и авансы в смысле любви стала в открытую выдавать — до поцелуев дошла во время танца со мной в одной общей дружеской питейной компании!

Она мне нравится стала, хоть и еврейка она была. Я был на шаг от любви к ней, хоть я не жалею эту нацию. Но я был на задании — я удержался от всякой лирики, я остался чекистом.

— И чем это всё закончилось? — замирая от любопытства, спросила Лиля.

Николай Николаевич тихо вздохнул.

— Взял я её наконец. Арестовал. Она, представь, не испугалась, когда за ней пришли. Спокойненько так заявила мне: вы, говорит, на эффект, наверное, рассчитывали, Николай Николаевич? Напрасно. Я давно знала и понимала, кто вы и откуда, хотя танцуете вы хорошо. Я знала, что именно вы и придёте за мной. Ну, проходите, пожалуйста, на чашечку кофе. И улыбается! Всё-таки это мужество — так владеть собой во время ареста! Потом я вёл её допросы. Пока вёл, шашлыками кормил. Для себя, якобы, заказывал. Приносили мне в кабинет. Галя ела, конечно. Мне было жаль, что всё-таки она попалась по делу Пеньковского. И жаль мне было, что мы её так раскатили. У меня все плёнки её сексуальных походов были, со всеми своими агентами я заснял её на микроплёнку, не раз и не два! Женщина она была страстная, но её развратили деньги. И мечты о зарубежной жизни. Остальное не спрашивай, Лилечка моя, я не скажу всё равно, чтобы не скомпрометировать профессию. Но добавлю, что замужние женщины ведут себя в постели поскромнее. Распушенная она была, Галя.

Николай Николаевич надувал матрац. Он всегда его надувал при Лиле, чтобы показать силу своих здоровых лёгких. Щёки его при этом раздувались, и один глаз прижмуривался. Несмотря на возраст, Зуев был силён как мужчина, и Лиля пригревалась рядом с его мускулистым телом. «А если бы он мне замуж предложил вдруг?» — думала иногда Лиля. И, словно прочитав эту мысль, Зуев однажды ответил ей:

— Моя чекистская жизнь сложна. Мне развод, например, никак не оформить. Наши не расходятся никто, потому что и жёны посвящены в некоторые секреты. Это при Берии можно было убрать собственную жену, если она тебе надоела. Сейчас не те времена, сейчас счастлив тот, у кого естественное вдовство намечается. Травить тоже опасно. Сейчас ждут, как выйдет. Вот Мите Дудареву сейчас привалило счастье — у него жена, наконец, умерла от рака. Долго отдавала концы, долго

мучила Митю! Но у него есть девчущка на двадцать лет моложе, он её для себя уже давно подготовил — замуж её выдал, на работу устроил, теперь разведёт с мужем и женится сам! Или просто избавится от её сопляка-мужа, столкнёт его.

— Как «столкнёт»? — не поняла Лиля.

— Не «как», а «куда», — улыбнулся Коля. — Под «Татру» столкнёт через своих людей, или сам. Мало ли алкашей на улицах под грузовики попадают! Пить надо меньше.

И глядя в растерянное лицо Лили, Николай Николаевич засмеялся:

— Я вижу, у тебя дух захватило от страха. Я сказал просто так, в шутку. Я не знаю планов Мити Дударева. А мою жену всё равно никуда не подеваешь, и она товарищем моим была, другом, помогала мне. Мы с ней Венгрию прошли вместе. Да и твоему Поташову на всю оставшуюся жизнь хватит его подводной лодки. Зачем нам с тобой усложнятся?

Николай Николаевич всегда давал Лиле деньги на такси, и она уезжала домой. Владиду, сомлевшему у телевизора, она привозила остатки торта. Она приезжала домой не поздно, и, поужинав вместе, сын и мать ложились спать. Иногда Лилия Ивановна подумывала, что Николай Николаевич ей чем-то неудобен и можно попробовать заменить его Михаилом Фёдоровичем Черкасовым, всё-таки учителем, да ещё и предмета математики, чья профессия из века в век была у людей в почёте, даже несмотря на социалистические революции. Лилия Ивановна припоминала своё знакомство с Зуевым, которое произошло в кинотеатре, на утреннем сеансе, куда она водила свой класс на воскресное мероприятие. Зуев подсел к ней, ребята уступили ему место, зал был полупустой, фильм был подобран учителями в соответствии с возрастом зрителей, и потому за дисциплину краснеть не приходилось. Лилия Ивановна казалась спокойной. Зуев заговорил с ней о чём-то, кажется, рассказал анекдот. Сначала Лилия Ивановна думала, что этот мужчина, так шутливо заговоривший с ней в кинозале, среди учеников её — отец кого-нибудь из них. Ведь пятых классов в зале сидело несколько, и другие классные руководители хотя и сидели в кинозале тоже, но в разных концах, далеко от Лилии Ивановны, и выяснить, кто этот человек, возможности не было. Лилия Ивановна отвечала на шутки, как и подобает

учителю, когда он хочет поладить с родителями — то есть и посмеялась, и поддакнула, и выдержала серьёзную мину. Чего только не приходится изображать учителям! Словом, Лилия Ивановна применила полный набор мимики, отработанный до совершенства практикой зыбкой педагогической жизни. Но когда Николай Николаевич, наклонившись к её уху, вдруг жарко прошептал о том, что он любитель другого кино, а именно порнографического, Лилия Ивановна поняла, что он хочет с ней познакомиться и вовсе не член школьного родительского комитета, например, а просто нормальный член советского нашего общества. Горячая мужская ладонь сжала повлажневшую руку Лилии Ивановны, и Лилия Ивановна оценила партнёра — с сединой, но не стар, и очень чистый, в хорошей рубашке, ухоженный. Лилия Ивановна согласилась на встречу в кафе, назначенную через часок, когда пятые классы исчезнут из поля зрения учителя, разбредясь по домам. С той поры и начались объятия на надувном матрасе, покрытом чистой простынёй, которая свято хранилась у Николая Николаевича в сейфе. И состоялось шампанское, шоколадные конфеты и эти свеженькие пирожные, и тоненько нарезанная, прозрачная копчёная колбаска. «Не у каждой бабёнки есть такой внимательный любовник, да ещё и чекист», — и так тоже думала иногда Лилия Ивановна. И жизнь её продолжала вращаться всё в том же замкнутом колесе — школа, уроки, проверка тетрадей, педсоветы и умные разговоры на большой перемене в учительской.

— Меня десятый «А» сегодня опять чуть до инфаркта не довёл, ей-богу! — воскликнула Полина Афанасьевна. — Знаете, какую шутку они отмочили сегодня, мои акселераты? Приходит Миша Пакс и объявляет в классе: «Кто написал вчера в моём подъезде «Пакс — говно», пусть сам и вытирает! Я это говно вытереть не буду. Вот если бы вы меня в три этажа выписали — возможно, я бы такое вытер. Это правда была бы обо мне написана. А вытирать всякую муть пионерскую я не собираюсь!» Саша Заикин сразу возник, надо же покрасоваться и ему. Говорит: «Мишель, не выражайся при женщинах!» Тогда Вера Воробьёва совершенно справедливо повернулась к Заикину и ответила: «Поосторожнее, Заикин. При девушках. Да-да». Но Заикин ей тут же лепит, за словом в карман не полез: «От-

куда, говорит, я знаю? Не уверен — не обгоняй!» И все акселераты, конечно: ха-ха-ха! Ах, как смешно! Я возмущилась. «Знаете, говорю, ребята, я, как классный руководитель и ваш старший друг, считаю нужным сделать вам резкое замечание. У нас в классе разговоры удивительно неприличны». А Заикин своё, не смущаясь: «Что же тут неприличного? Все девушки рано или поздно становятся женщинами!» И вот тогда Пакс заключил: «Чаще рано, — говорит, — становятся, а когда поздно — это удивительно!» Как вам нравится такой пассаж? Родителей, что ли, в школу опять вызвать? А тут ещё вечер поэзии привязался! Родителей бы, конечно, я вызвала, да начни я сейчас ссориться с Заикиным и Паксом — ведь ни на одну репетицию тогда они не придут. А с одними девчонками вечер не вытянуть — у них вдохновенья без мальчиков не хватит! А тем более без нашей суперзвезды — Заикина! Но обнаглели ребята — просто нет сил терпеть. И почему они так себя ведут? Заикин последнее время приходит в школу нервный, как заведённый, а Пакс совершенно с катушек соскочил — в золотом перстне с бриллиантом в школу явился! Мне ещё только не хватало отвечать за пропажу драгоценностей в классе, если наш Мишель колечко потеряет. Его сейчас в классе Заикин называет только так — наш Мишель. И Пакс, конечно, выдерживает роль.

— Пакс так ведёт себя потому, что родители разбаловали его до предела, — сказала Анна Павловна. — Вы же знаете, что они ради него тянут и тянут лямку как проклятые. Что поделаешь — он у них один! А Заикин заводится, потому что ему женщина нужна. Ведь Заикин уже мужчина. Вы же знаете, что он пришёл к нам из туберкулёзного диспансера в Петродворце. Но вы не знаете, что у него там связь была с одной медсестричкой! Мне сообщил об этом его доктор. У лёгочников и вообще большая потенция, а Заикин, с такими нежными чертами лица и с таким ростом — метр девяносто пять, вполне естественно, что имеет к тому же и бурный успех у девушек. Но реально то, что ему не девушка, а женщина нужна. Он тогда успокоится. Вот погодите — найдёт. И дисциплина сразу наладится в вашем знаменитом десятом «А». Заикин со всеми разберётся. У него дружок закадычный — Шурик Иванцов. Тоже, по-моему, мужчина, очень уж сильный физически для десятиклассника. И Заикин, при поддержке Шурика, никого не боится. Только Шурик

с ним дружит из-за Воробьёвой, а не из уважения. Шурик — наглец. Они Заикина с Модестом Черных склоняют как хотят за глаза. А при всех они с Заикиным вроде за панибрата. Всё потому, что Шурик не даёт Веру Воробьёву Заикину в постель. Шурик сам с Воробьёвой не прочь полежать. А Вера — она не прочь и с каждым из них, включая отпетого Модеста Черных!..

— Кто их разберёт, парней, мужчины они или мальчишки, — грустно сказала Полина Афанасьевна. — Девчонок бы не трогали. Забеременеет какая-нибудь — пятно на школе, хлопот не оберёшься. А мне никак не нужны пятна перед пенсией. Разве я им мать родная, что стану девок сторожить, чтобы в подоле не принесли? Да господи меня прости! Я бы их всех кастрировала, чтобы мне на пенсию спокойно уйти, и мальчишек этих, и девок! Мне эта работа последнее время просто поперёк горла. Все эти акселераты — оторви и брось, вот и вся мораль! Хотя о Воробьёвой вы зря такого мнения, Анна Павловна. Она, конечно, не слишком возвышенная, но чувствительная. А то, что её Венерой стали дразнить, — это минует. Это всё из-за её красоты. Но на всех красоту её не поделишь. Всё равно одному достанется. Женская судьба — обломается и будет принадлежать навеки одному.

— Вначале, как принято, одному, — сказал Черкасов. — А вот потом...

— Михаил Фёдорович! — вскричала Полина Афанасьевна. — Вы забываетесь!

— Нехорошо подслушивать женские разговоры, — поморщилась Анна Павловна.

— Я не подслушиваю разговоры или педагогические тайны, да ещё и в учительской, — сказал Черкасов. — Я их просто слышу!..

— Всем пора на урок, — сказала Анна Павловна. — Я всё-таки завуч, но не хочу об этом лишний раз напоминать вам, товарищи учителя. На уроки свои не опаздывайте, пожалуйста, чтобы нам без замечаний обойтись. А вам, Михаил Фёдорович, на третий этаж из учительской идти вообще далеко, поторопитесь. Слышите звонок? Пошли работать, хотя вы, Михаил Фёдорович, уже опоздали!..

— Сегодня приходите на репетицию, Лилия Ивановна, — сказала Полина Афанасьевна. — Сегодня вечером начнём в семь часов, в актовом зале.

Лилия Ивановна, не ответив, а только слегка склонив голову набок, взяла журнал и пошла на урок русского языка в пятый класс. Как всегда, она начала урок с орфографической минутки. Лилия Ивановна начала диктовать слова, отобранные ею для запоминания и разбора:

— Колоться, касаться, раскрошиться, раскрошить, колесо, раскатать, Коля...

У Лилии Ивановны это был последний урок по расписанию. Она чувствовала себя вялой. Но ребята отвечали хорошо, Лилия Ивановна поставила несколько пятёрок и всего одну тройку. Потом она дала самостоятельную работу по выполнению упражнения, но по классу не ходила, а сидела у стола, иногда вызывая учащихся для проверки их тетрадей. И почему-то, молча глядя на тихо корпевший над учебниками класс, Лилия Ивановна повторяла про себя, как привязчивый мотив песни, слова из орфографической минутки: «Колесо, раскатать, Коля...»

«Вот ведь жуткая оказия — раскатать человека, то есть вывернуть наизнанку всю его подноготную, узнать все его секреты, опозорить и убрать — уволить!»

Нет, идти на репетицию Лилии Ивановне совсем не хотелось. Пристала же эта Полина! Дотошная женщина, теперь она не отвяжется. Но она ведёт методическое объединение и может запросто отомстить: начнёт выискивать ошибки в тетрадках учеников Лилии Ивановны Поташовой, учителя русского языка, да ещё и начнёт, чего доброго, объявлять о количестве ошибок, допущенных иным учеником. Так уже бывало с Лилией Ивановной в других школах, где ей пришлось работать. Горький опыт — поссориться с завучем или председателем методического объединения. А про местком и вообще не стоит заикаться. Ещё диктанты проверять начнут у Лилии Ивановны, почему-то вдруг! И потянут тетрадки на открытое профсоюзное собрание или местком. А ведь в диктантах ошибки самим же учителем исправляются, в контрольных диктантах учащихся, разумеется. Это делается для того, чтобы учителя не ругали за плохую успеваемость в классах. То, что успеваемость учащихся стала ниже средней при всеобуче, — известно всем, потому что при всеобуче как системе на второй год неуспевающего ученика всё равно не оставляют. Надо, чтобы школа

давала высокие показатели успеваемости и чтобы все ученики переходили из класса в класс. Успеваемость — лицо школы. Какой же директор станет показывать перед вышестоящими своё плохо выбритое лицо? Не дай бог служить по учёной части! Легче ошибки в диктантах поправить.

Нельзя, никак нельзя Лилии Ивановне связываться с Полиной. Придётся помочь ей и потренировать учащихся в выразительном чтении. У Лилии Ивановны лично и у самой выразительное чтение получалось преотлично. Сказывалась в её артистических интонациях вольная мечтательная юность — с безразличной мачехой и с занятиями в драмкружке Дома пионеров до самого позднего вечера.

Кружок вёл актёр, бывший и большой, но, увы, спившийся и теперь пристроившийся вести драмкружок ради зарплаты, хотя и мизерной. В жизни, случается, есть место и подвигам, и не без вдохновенья и вольнодумства вёлся тот кружок! Однако его закрыли. Официально — по причине того, что репетиции устраивались слишком поздно. А в сущности потому, что, хотя в жизни место для подвигов и есть, но отыскать его бывает очень нелегко. Итак, репетиции шли всё-таки в сумерках. Раньше собраться с мыслями настоящему таланту трудно. Муза редко посещает творческих людей по утрам. Один Лев Толстой, пожалуй, представляет в этом смысле исключение, да что же взять с него? Он ведь всё равно был граф и мог позволить себе без зарплаты косить траву в яснополянских просторных лугах. Отдадим должное Льву Толстому за его покосы, но не все таланты способны к сельскохозяйственным работам на полях страны. И почему бы не впасть в привычный винный настрой и не поговорить начистоту со слушателями, роняя зёрна истины в юные и ещё трезвые души? Так девочка из простой семьи, Лилия Лилина, пристрастившись ходить в драмкружок, как крестьянские дети в яснополянскую школу, впервые услышала здесь имена Андрея Белого, Игоря Северянина и Николая Гумилёва. И даже запомнила кредо одарённости, близко по смыслу к монологу, однажды произнесённому под настроение, в сумерки, художественным руководителем многострадального кружка:

— Видите ли, господа юноши и девушки, в душе каждого человека есть такая хитрая штука — колодец без дна. Вот

через тот индивидуальный колодец мы выходим, порой, в мир духа и космоса. Это не я сказал, это сказал поэт Андрей Белый, замечательный русский человек. Через тот колодец мы черпаем в себя из глубины веков. Мы вбираем. Мы выбираем. Мы осуществляем свою связь с жизнью через тот самый колодец! Важно только тот колодец в себе отыскать. И я верю, вы отыщете его в себе. Отыщете уже хотя бы потому, что я рассказал вам о его существовании, и я завещаю вам его отыскать. Это серьёзный момент! Иногда тот колодец помогает открыть любовь, которая есть неизбежность жизни! Она не всегда бывает ответной, но это чувство надо нести в себе с высоко поднятой головой, хотя бы предметом любви был и козёл. Неважен предмет. Важно чувство! Но может случиться и так, что, открыв тот колодец, человек, испугавшись его глубины, зовущей в бесконечность, захлопнет его навсегда! Таких людей мне жаль. Их ждёт в дальнейшем лишь серое существование, в котором никаких катастроф или волнений, ничего совершенно не происходит. Запомните, пожалуйста: в существовании не происходит ничего! Происходит важное или неважное, но хотя бы ЧТО-ТО — только в жизни! Настоящей, раскованной, свободной от всяких запретов! Правда, излишек вина, бывает, сказывается на иных организмах.

С тех пор прошли годы. Учительница хотя и не актриса, но всё же человек, связанный с искусством слова; Лилия Ивановна не раз улыбалась наедине с собой, вспоминая тот «колодец» драмкружка, где кормился бывший талант. Но выразительное чтение ей вести удавалось, и тещы Лилии Ивановны не раз побеждали даже на городских конкурсах.

Приняв решение идти на репетицию десятых классов, Лилия Ивановна уложились во время — пришла без четверти семь, сделав все свои дела заранее. Она знала, что репетиция — процесс долгий и вдохновенный. Поэтому она, пусть и не слишком торопилась, но чувствовала себя вполне свободной и раскованной. Труппа, отобранная Полиной для участия в вечере, почти собралась, и довольно многочисленная.

— Зрителей лишних обязательно удаляйте, Лилия Ивановна, — приказала Полина, — иначе вечер никому не будет интересен. Остаются только те, кто участвует в самодеятельности. Ребята это и сами должны понимать. Я написала сце-

нарий, вот вам, Лилия Ивановна, текст. Мы его сейчас с вами, кстати, разделим. Я буду слушать тех ребят, которые читают Ахматову и Цветаеву, а вы возьмите себе Андрея Белого и кого-нибудь ещё. Кого бы вам дать? Можно Владислава Ходасевича, но лучше возьмите Гумилёва с Бальмонтом. Блока я сама хочу послушать, всё-таки мы о Блоке много говорили. Если хотите, выберите сами, кого вам легче слушать. Ведь я отобрала довольно сложные для понимания тексты!

— Ничего, давайте Гумилёва и Белого, — гордо сказала Лилия Ивановна. — Может, и у меня получится кое-что.

— Мы будем всё делать вместе! — воскликнула Полина. — Вы послушайте, потренируйте ребят, потом вы слушаете и мою группу тоже, а потом все вместе слушаем. Ах, я люблю эти школьные репетиции литературных вечеров! Ребята напоминают мне в такие минуты мою собственную блокадную юность, когда мы жили только вдохновением, только верой в победу и поэзией! Моя мама целыми днями, лёжа уже почти неподвижно, слушала выступавшую по радио Ольгу Берггольц. Я читала маме вслух стихи символистов из дореволюционных изданий, которые мы сжигали потом в буржуйке. Я старалась не замечать смерти соседей в нашей коммунальной квартире, учила стихи наизусть. Мы ходили с бригадой пионеров выступать в больницы со стихами. Нас организовала на этот подвиг наша школьная директриса и реально помогла нам выжить. Ведь в больницах нам давали доедать после больных хлеб и суп. Потом уже только хлебец, крошечный, но всё-таки съедобный. А директриса умерла. Её звали Ангелина Серафимовна, она была родом из духовного сословия и божьей милостью педагог. Да что вспоминать о грустном лишней раз! Начнём репетицию...

Лилия Ивановна начала слушать чтецов. Некоторые ребята рассказывали стихи выразительно, но бездумно. Другие монотонно, примитивно, но громко. Лилия внимательно слушала, стараясь отобрать, с кем работать вначале, с кем после, с кем подольше и посерьёзнее. Она прикидывала, как удачнее донести до зрителя смысл стихов, выразив его в интонациях чтения, она мысленно отмечала в собственном восприятии специфические оттенки речи чтецов, стараясь понять для себя характер каждого из выступавших. Ведь это так важно для

сценического действия — понять характер актёра! Она увлеклась и раскраснелась. Юбка высоко закаталась на её коленях.

— Лилия Ивановна, поздравляю! Все хотят слушать только вас. Меня совершенно задвинули на задний план, — вдруг раздался над её ухом зычный голос Полины. — Какой успех! Кто бы мог такое подумать! Я представляю, какой мы отгрохаем вечер с таким профессиональным режиссёром, как Лилия Ивановна. Только ребят из своей группы я всё равно заберу, Блока вам не отдам. Ни-ни! Он только мой! Не соблазняйте моих поклонников Блока. Они ни за что не перейдут на сторону Андрея Белого!

Начался смех и беготня. Лиля смеялась тоже от души. Потом репетицию удалось наладить, и очередь дошла до Веры Воробьёвой. Присев на стул напротив Лилии Ивановны, Вера начала читать из Андрея Белого:

Мы — ослеплённые, пока в душе не вскроем
Иных миров знакомое зерно:
В моей груди отражено оно,
И вот зажгло знакомым грозным зноем.

И вспыхнула, и осветилась мгла,
Всё вспомнилось, не поднялось вопроса:
В какие-то кипящие колёса
Душа моя, расплавясь, потекла.

Когда Вера читала последнюю строфу, то приподняла руки с колен и слегка вытянула вперёд ладони. Окружавшие замерли на миг от её жеста. Стихотворение захватило восторгом всех.

— Ох, как здорово Верка прочитала, — сказала толстушка Настя Клубина. — Я так не смогу ни за что!

— Замечательно, — сказала Лилия Ивановна и, слегка подражая художественному руководителю бывшего «колодца», повторила ещё раз: — Да-да. Замечательно. Просто замечательно! Ты занимаешься в драмкружке или в какой-то театральной студии, Веруся?

— Нет, я сама решила так прочитать, потому что я так чувствую это стихотворение, — ответила Вера. Потом пояс-

нила: — Нас Полина Афанасьевна учила так читать. Как чувствуешь.

— И хорошо же ты чувствуешь, Вера, — сказала Настя Клубина. — Если бы ты ещё и химию так чувствовала!

— Нет, химию можешь сама чувствовать, — сказала Вера смущённо.

— Наша Вера-Венера вас, конечно, уже захватила в плен своего очарования, — снова появившись рядом, заключила Полина Афанасьевна. — Вот уж с кем работать вовсе не надо! Разве только попросить её, чтобы губы не красила так ярко. Молодая, красивая, можно ведь и без косметики обойтись. Но мне интересно узнать, где наши парни? Репетиция идёт полным ходом, а они всё не появляются! Ведь они обещали. Или они хотят поссориться со мной перед самой дискотекой? Сказано было ясно: будет хорошая литературная часть — будут и танцы. Кому вечер больше нужен? Мне или вам?

— Мальчишки в спортзале, Полина Ивановна! — воскликнула Настя. — Они сейчас доиграют в волейбол и придут. Они с ребятами из ПТУ играют.

— Значит, опять Модест Черных со своей командой в школе отирается, — рассердилась Полина Афанасьевна. — Позови сюда, Настя, наших ребят! Хватит им общаться с Модестом. По нему тюрьма уже давно плачет. Хотите, чтобы он и наших мальчишек в свои сети затянул?

— Я позову! — воскликнула Вера.

— Да вон они уже пришли сюда сами, — сказала Настя Клубина.

Лилия Ивановна оглянулась через плечо, не вставая со своего стула. Миша Пакс и Шурик Иванцов подходили к её группе. Позади неторопливо шёл Саша Заикин. Он был без обычной синей школьной формы, которая делала его фигуру смешной при таком высоком росте. Теперь, в полутьме актового зала, где была освещена только сцена, Заикин казался значительно взрослее в синей футболке с белой полосой. Он был пронзительно, вопиюще красив в сумерках зала, в этой футболке с глубоким вырезом, обнажившим его тонкую шею! Лилия Ивановна отвернулась и быстро опустила глаза, стараясь даже не чувствовать присутствия Саши Заикина, легендарного ученика непревзойдённого десятого класса «А».

Нет, другие учащиеся должны были привлекать её внимание, другие!

Они сидели перед ней — Шурик Иванцов, Миша Пакс и Вера-Венера Воробьёва. Только Саша Заикин остался стоять за спиной Лилии Ивановны, и затылок её овеяло теплом его взволнованного и частого дыхания мужчины. Лилия Ивановна нервным движением откинула назад свои растрепавшиеся длинные волосы.

— Саша Заикин, ты, кажется, Гумилёва читаешь «Капитаны»? Подойди сюда, пожалуйста, — твёрдым голосом учителя попросила Лилия Ивановна.

— «Капитанов» читаю я! — сказал Шурик Иванцов.

— Нет, нам их не переспорить, — сказала Полина Афанасьевна. — Они так решили между собой. Скажите им, Лилия Ивановна, что это решение не из лучших! Я хотела, чтобы всем было видно высокого капитана, который бесстрашно рвёт пистолет из-за пояса, обнаружив на борту бунт. Я планировала, что при этих словах — «так, что золото сыплется с кружев, с розоватых брабантских манжет» — Саша вытянет вперёд руку с пистолетом, разумеется, игрушечным. Мы могли бы прицепить к рукавам его пиджака кружево в виде манжет. При росте Саши — какой это был бы настоящий романтический герой моря! Саше бы осталось только выучить стихи! А капитан — готов!..

— Вы считаете, что если я среднего роста, так я стихи не выучу? — с вызовом спросил Иванцов, и Лилия Ивановна увидела, как он крепко сжал руку Пакса.

— Ой, больно, отпусти! — нарочито громко застонал Пакс. — Ты забыл, что в пятиборье выступаешь каждый год за школу? Ты же тренированный! А я хрупкий и интеллигентный еврей.

— Полина Афанасьевна, а Шурик Иванцов в пятиборье второе место нам достал среди школьников города, — тонко сказала толстая Настя Клубина. — Достал!..

— Ты действительно хочешь отдать своих «Капитанов» Шурику? Что ты думаешь, Саша, то и скажи! — немного помолчав, спросила Полина.

— Я думаю, что меня и так видно, — сказал Заикин. — Стану я ещё пиджак с манжетами на себя цеплять! И что вы все от меня хотите? Может, мне юбку надеть?

— Мы с Модестом на презерватив тебе сбросимся, можешь его надеть, — сказал Иванцов.

— Вот уж не к месту сказано! — воскликнула Полина Афанасьевна.

— Извините его, Полина Афанасьевна, — сказал Пакс. — Шурик просто расслабился в момент творческой борьбы в подворотне. Всё из-за темноты тамошной!..

— Я помню, когда мы в пятом классе учились, нам Шурик Иванцов о путешествии Магеллана доклад делал, — затянула Настя Клубина, — и ему Платон Павлович, как директор, поставил пять с плюсом. Платон Павлович у нас тогда географию вёл. И с тех пор он всегда Шурика с любого урока, даже с химии, согласен взять — новые парты в школу заносить, если привозят. Шурика Платон Павлович ценит за географию и за пятиборье. И за парты ценит. Шурик Иванцов нужен всем!

— Вам не всё равно, Полина Афанасьевна, пусть Шурик читает, раз он хочет! — заявил Пакс. — Это вот мне, к примеру, опасно читать стихи о путешествии по морю. Ещё подумают, что я мечтаю уехать кое-куда. Тогда и Платону Павловичу, и вам за меня нагорит! А в Шурике нашем какой криминал? Он не японец, как я!..

— Они доведут меня до инфаркта, — засмеялась Полина. — Делайте, что хотите. Лишь бы получилось хорошо!

— А какие стихи будет читать Саша Заикин? — спросила Воробьёва.

— Какие — мне по фонарю, — сказал Заикин. — Я вообще не рвусь читать стихи. Мне зачёт по химии получить надо. Охота мне ещё и на репетицию время тратить? Я домой пошёл, всем привет!..

— Нет, не уходи, почитай вот это! — закричала Вера. — Это же из Андрея Белого. Оно тебе больше подойдёт, чем мне! Вот, на листке стихотворение написано. На, возьми.

Заикин протянул за листком руку. Тонкое запястье длинной руки Саши Заикина было покрыто густой порослью тёмных волос.

— Заикин, садись сюда, Саша! — вскочила вдруг со своего места Настя Клубина. — Мы тебе объясним, как читать. Не бойся, у тебя получится. Это же не сложная химия. Это просто стихи...

Саша сел, держа листок перед собой. Золотистые волосы Веры Воробьёвой коснулись щеки Саши Заикина.

— Читай! — нервно воскликнула Настя Клубина. — И вдумайся в русский текст. Ты же не наш Пакс-японец!

Заикин послушно начал читать:

Я — сын эфира. Человек,
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирию эфирной
За миром мир, за веком век...

И Саша вздохнул.

— Что ты опять подсунула мне, Клубина! Опять как на химии — сероводород в пробирке? При чём тут вообще эфирно-порфирный? Ещё дикторы говорят в эфир, громко. Слышал. Тоже знаю. А что здесь написано — я не понимаю! И я ещё должен это читать? Идиот я, что ли? Я лучше зачёт пойду получу, чем зря время тратить. Пойду домой заниматься.

Лилия Ивановна пристально и удивлённо смотрела на Сашу Заикина. Она видела его карие глаза, затаившие серьёзную решимость, и тёмный пушок усов над яркой верхней губой. Саша действительно нервничал, верхняя губа дрожала от предчувствия обиды. И Лилия Ивановна проговорила медленно и неожиданно для себя:

— Понимаешь, Саша, в душе каждого есть такой тайный колодец, через который человек выходит во внешний мир. Природы, например, космоса. Это и есть эфир, воздушное пространство. Об этом и сказал Андрей Белый! Кто это чувствует, тот влюблён в жизнь, тот любит. Любовь — это смысл жизни. А порфира — это царская нарядная одежда. Она надевалась людьми в особо торжественных случаях. Вот прочитай и почувствуй, что ты — сын эфира. Ты — вечный сын любви! И так из века в век повторяется, понимаешь? Ты — вечен. Почувствуй это! Вечен, как любовь.

— То есть ты сын пространства, или бесконечности, — сказала Настя Клубина. — Дикторы говорят в пространство, то есть в эфир. Это ты сказал правильно. Когда диктор говорит, получается звуковая волна. Мы это уже прошли по физике. Один ты не знаешь.



Наталья Асенкова (Тамара Хайленко) родилась и училась в г. Алма-Ате. Окончила филологический факультет Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. Проживает в США с 1989 года. Автор сборников прозы и романов «Художники», «Ещё идут старинные часы», «Командировочные», «На фоне Кормильца», «Принцы и короли», «Ситуация», «Пара гнедых» и др. Критик журнала «Новый мир» В. Я. Лакшин высоко оценил её роман «Вычисление личности», который удалось напечатать лишь через тридцать лет после написания.

В прозе Натальи Асенковой есть и мысль, и своя поэзия, а главное — напор жизни мучительной, горькой и не подкрашенной, которая почти исчезла из современной литературы. Проза эта очень искренняя, порой до грубости, и очень женская, то есть тонкая и точная в тех оттенках чувств и переживаний, которые особенно понятны женской душе.

Владимир Лакшин, литературный критик

Произведения Натальи Асенковой — это не только реалистичные, пронзительные картины истории и жизни страны, рассказанные ярким литературным языком, но и выраженные в высокой художественной форме чувства сострадания, любви к простому человеку и преданности вечным человеческим ценностям.

Татьяна Копыленко, писатель



ISBN 978-1-950319-73-2

